
Государственный Дарвиновский Музей на переломном этапе своего существования

Март 1952

Александр Федорович Котс

Выступая со своим сегодняшним Докладом, я отлично сознаю неблагодарность предстоящей мне задачи.

И не потому, что не о чем оказать, но потому, что говорить придется мне отчасти о самом себе. Но это неизбежно: Из семидесяти двух лет, которые я прожил, **пятьдесят шесть лет** (вернее говоря, все **шестьдесят!**) посвящены созданию **Дарвиновского Музея**.

Если все же я решаюсь говорить о нем, без риска впасть в саморекламу, то лишь потому, что на сегодняшнем собрании незримо сопresentствуют добрые **полмиллиона** бывших посетителей музея, его подлинных друзей и почитателей, суждения и отзывы которых так восторженно закреплены в нашей «**Музейной Книге**» за истекшее тридцатилетие.

Еще одна вступительная оговорка, в целях избежания упрека в уклонении от так называемой «самокритики».

Грубейшие и роковые упущения, промахи, ошибки **Дарвиновского Музея** мне сейчас, по миновании десятков лет, яснее, чем кому-либо.

Но вижу я их там, где их никто не замечает, и громаднейшее большинство этих ошибок, или упущений некогда, ничем не могут быть восполнены, или исправлены и смягчены.

Таковы немногие вступительные замечания и оговорки, предворяющие мой Доклад.

Имеются три обстоятельства, мешающие пониманию и оценке **Дарвиновского Музея** на теперешнем этапе его жизни и работы:

Всего прежде — полное новаторство его, как массового учреждения и во вторых — кричащее несоответствие этих новаторских идей и установок и возможностей для их практического выявления.

Я начинаю с пункта первого: **новаторства Музея**. Выражается оно трояким образом:

Новаторство идеи, вещного фактического содержания и методики показа .

Всего проще пояснить **новаторство идеи**: иллюстрировать в Музее Эволюционное Учение и Дарвинизм.

Самая идея эта, полстолетия тому назад, могла считаться новой. «Филетического Музея» в Иене, созданного **Геккелем** по мировой подписке, еще не существовало и помимо небольшого школьного музей в Дублине (Ирландия), да нескольких довольно бессистемных по идеи и по содержанию витрин Британского Музея в Лондоне о дарвинизме ничего не говорилось ни в одном музее Западной Европы.

Эта неувязка дарвинизма и музеев всего больше поразила меня именно на родине великого ученого: гигантские собрания Британского музея без упоминания о **Дарвине**, только формально закрепленного монументальной статуей, позднее убранный...

Исправить этот вопиющий парадокс созданием в родной Москве особого Музея, посвященного учению Дарвина, с этой идеей я вернулся полстолетия тому назад в Россию.

Такова была идея: зародилась она у меня не в подражание, но как протест против формального и безыдейного подхода виденного за границей. И на очереди стал вопрос, более трудный, о **практической реализации этой идеи**.

Воплотить эту идею в жизнь, говоря точнее, приступить к ее практической реализации, мне помогли два обстоятельства:

Давнишнее мое знакомство с замечательным, давно умершим, препаратором-натуралистом **Лоренцем** и приглашение меня преподавателем **Московских Высших Женских Курсов**.

Выходец из Польши, друг московской профессуры, в частности друг **Пржевальского** и **Северцева**, автор замечательных трудов, знаток фаунистики и систематики, **Ф. Лоренц** выступил в исходе третьей четверти минувшего столетия, как замечательный новатор препараторского дела, наделивший, а порой буквально, одаривший наши крупные музеи замечательными экспонатами зверей и птиц.

Непревзойденный в этом редком, ныне вымирающем у нас искусстве, Федор Карлович **Лоренц** был единственный, способным обеспечить величавой мысли о создании нового музея — адекватную ей форму вещного отображения.

Можно уверенно сказать: без **Лоренца**, его таланта и его большой культуры, я не смог бы приступить к созданию **Дарвиновского Музея**. И не потому лишь, что мизерная продукция всех прочих препараторов Москвы была бессильна вдохновить меня к созданию Музея, но и потому, что не было бы тех талантливых учеников-приемников и совершенствователей Лоренцевского мастерства, которым суждено было по смерти **Лоренца**, десятки лет активно строить вещную экспонатуру **Дарвиновского Музея**.

Здесь достаточно сказать, что приступая к основанию **Дарвиновского Музея**, полстолетия тому назад, я уже располагал значительным собранием Лоренцевских экспонатов, мною собранных за предыдущее десятилетие (с 1896 года) и доселе составляющих одно из лучших украшений нашего музея, как редчайшие «зоологические Страдивариусы».

Но входить детальнее в историю этого вещного былого собирания музейных ценностей нас завело бы слишком далеко.

Достаточно сказать, что по прошествии немногим менее десятилетия, особенно после вторичного обследования музеев Западной Европы и использования зоологических торговых фирм, летом 13-го года, — **Дарвиновский Музей** по замыслу и специфичности подбора экспонатов, их идейной ценности и мастерству монтажа, уже не имел себе подобного в Германии.

Слагались все эти коллекции за счет приобретаемых от **Лоренца**, выписывания экзотов из Германии и Англии, а после смерти **Лоренца** (осенью 1909 года) — все огромное музейное наследие покойного натуралиста было мною приобретено без денег: именно трехлетним возглавлением фирмы Лоренца и руководством препараторских ее работ за плату... чучелами.

И легко понять, что возрастая с каждым годом, все эти коллекции музея не упрятавались в комнатах жилой квартиры и нуждались в более просторном помещении.

Оно явилось своевременно в итоге приглашения меня преподавателем **Московских Высших Женских Курсов**.

Это приглашение меня на **Курсы** было благотельно в трояком отношении: возможностью переведения моего музея из моей квартиры в помещение **Курсов**, повышением денежных ресурсов для оплаты покупаемых коллекции и возможностью беспоплинного получения из заграницы экзотических коллекций.

Но особенно полезно было поручение мне чтения лекции по эволюционному учению для слушательниц старших курсов.

Это чтение мною курса Дарвинизма было очень ценно, обеспечивая плановость и равномерность самого подбора экспонатов моего музея, ту логичность, органичность внутренней архитектоники, структурность экспозиции, которой не хватало Дуббельну и **Лондону**.

Но то же устройство музея применительно к читавшемуся мною курсу лекции по основам Эволюционного Учения таило величайшую опасность: превращения создаваемого вновь Музея в некое подобие Учебно-вспомогательного Кабинета, проще говоря, в музей «*Учебный*», Вузовского типа.

В самом деле. Пробегаая перечень отдельных глав, или, что то же, лекций этого читавшегося мною курса, как он явствует из напечатанной программы, можно видеть, что программа моих лекций широко охватывала все главнейшие разделы Дарвинизма, как они обычно излагались в сводках того времени, с расчетом на 12 двухчасовых лекций одного семестра.

Можно думать, что в ту пору, ни в одном тогдашнем университете лекции по Дарвинизму не были обставлены так самобытно, вещно-ценно и наглядно.¹

Говоря иначе: В разбираемую пору мой музей, как Вузовский, учебный, полностью оправдывал себя.

Но как Музей общедоступный, «Массовый» он был заведомо негоден, за обилием объектов массового изготовления, за перегрузкой материалом, специальностью его состава, недоступной для показа массовому, рядовому зрителю.

И в самом деле, думать, что музейный материал, рассчитанный на усвоение в течение целого семестра для кончающих зоологов-студентов, будет столь же усвоаем — и при том при однократном посещении музея, массовым неподготовленным музейным зрителем, так рассуждать было простительно лишь во внимание к неопытности составителя музея. Ошибка эта, впрочем, была скоро понята и мною.

Было ясно, что бесчисленные банки с формалиновыми, спиртовыми препаратами, коробки с насекомыми или скелетами, таблицы, копии рисунков, нужные, уместные для кафедры и для Учебного Музея совершенно неуместны и негодны для Музея **Массового** типа и как таковые подлежат полнейшему изъятию.

Этот процесс изъятия всего музейно-мало полноценного, всего «учебного» и занял все последующее десятилетие, вплоть до Великой Социалистической Октябрьской Революции, давшей возможность превратить **Музей Учебный** в подлинно **общедоступный Массовый**.

Этот процесс, реформы, превращения музея «вузовского» в «массовый» касался столько же фактического содержания, как и методики его показа.

Но возможным оказалось это превращение лишь после рационального решения вопроса о значении, задачах и о сущности «**Музеев Массового типа**».

В самом деле. Каковы задачи, цель и назначение музеев «массового» типа? И кого нам должно разуметь под «массовым музейным зрителем?»

Вопросы эти потому лишь могут показаться лишними, что до сих пор они никем не поднимались.

А на деле — перед нами основная и элементарная проблема всей новейшей музеологической методики и до тех пор, пока мы не решим ее теоретически и не проверим правильность решения на опыте, — пытаться приступать к созданию музеев массового типа, — столь же продуктивно, как, не зная химии, пытаться приступать к строительству химических заводов.

Здесь легко предвидеть возражение. Нам скажут: существуют же прекрасные музеи массового типа, превосходно выполняющие свою роль, не углубляясь в дебри методологических анализов и в изучение запросов, или «профилей» музейных зрителей.

Достаточно напомнить наши крупные московские музеи: Исторический и Революции, мемориальные имени **Ленина** и **Горького**, не говоря уже о **Выставке Подарков Сталину** — этой жемчужины Москвы и мира.

Почему же при устройстве массовых музеев Биологии приходится особенно учитывать состав и профили их посетителей и скрупулезно взвешивать подбор экспонатуры и тематики?

¹ В целях иллюстрации только один пример: Знакомя с путешествием молодого **Дарвина** на «Бигле» и посещением им Галапагосского Архипелага, внушившего ему идею изменчивости видов (Лекция IV) я имел возможность иллюстрировать этот рассказ, обширной коллекцией птиц Галапагоссов («Дарвиновыми Вьюрками»), — т.е. объектами не имевшимися в России и нигде не выставленным в музеях Западной Европы.

Мы отвечаем: Разница в самом подходе зрителей к тематике к содержанию Историко- Мемориального Музея и Биологического с точки зрения неодинакового **«бытавания»** экспонатуры.

Мы не говорим уже о мастерах резца и кисти, воплощенных в дивных образах, скульптурах и картинах **Галереи Третьякова**: все они, холсты **Серова, Левитана, Репина** давно вошли в наш повседневный **быт**, глядя на нас со стен наших жилищ и со страниц журналов, хрестоматий и с открыток.

Равным образом, простреленное эсеровскими пулями пальто великого вождя и гипсовый отлив руки, писавшей «Буревестника», и ряд знамен, проделавших победный путь от Сталинграда до Берлина, — все это давно уж стало чем-то вроде личного воспоминания.

Все эти образы и имена вошли в наш **быт**, сроднились с личной жизнью каждого из нас и потому так непосредственно, тепло и просто откликаются на них сердца и взоры лиц, предельно различающихся по образованию и возрасту.

Да, наконец, и завершающий идейный смысл содержания, тематики этих музеев слишком очевиден: Будь то исторические поворотные этапы в жизни нашей Родины, страны великих подвигов и дарований, будь то героизм Красной Армии и то великое и торжествующее чувство, что незримо сочетает в один гимн любви и благодарности чудесные дары, снесенные со всех концов Земли **Иосифу Виссарионовичу Сталину**.

Но так ли дело обстоит с тематикой и содержанием музеев Биологии? В такой ли степени бытуют в жизни каждого из нас проблемы эволюции живого мира и вопросы Дарвинизма?

В виде иллюстрации — лишь два примера.

Было это несколько лет тому назад. В одном из учреждений, молодая и интеллигентная сотрудница, при выдаче какой то справки **Дарвиновскому Музею**, обращается ко мне в недоумении, с вопросом: — «Но скажите, почему Музей Ваш называют **Дарьинским**?»

Другая реплика, отчасти для меня более лестная.

Услышав, что очередные объяснения по Дарвиновскому музею для приезжих (правда, дальних..) педагогов будут им даваться не экскурсоводом, но самим директором Музея, т.е. лично мною, — часть пришедших ранее участников экскурсии спешила поделиться с подошедшими позднее с радостной вестью, что «Объяснения будет давать сам **Дарвин** !»

Пусть эти примеры единичные, но даже в виде грустных исключений, они призваны свидетельствовать о неизмеримо меньшей популярности имени **Дарвина**, чем таковых **Толстого, Горького**, не говоря уже об именах великих создателей Страны Советов.

Будем помнить. Не в пример входящим в стены исторических мемориальных и художественных музеев, привносящим в их осмотр уже готовые влечения и интересы, — большинство вступающих в музеи Биологии нуждается в захвате их тематикой в содержанием музея, чуждого в своих конечных выводах громаднейшему большинству людей.

Эта задача — заронить в музейных зрителей влечение и интерес к науке, им дотоле чуждой, — осложняется еще одним существеннейшим обстоятельством.

Давно известно, что, в отличие от всех музеев биологии за рубежом, и нашим прежним, — цель и назначение **Советского Музея** — приобщить музейных зрителей не к безразличным и нейтральным сведениям, но к **нормативным** знаниям, к науке и искусству в совершенно четком идеологическом аспекте.

В то же время, посещение массовых музеев — в полное отличие от учебных и профессиональных, — мыслится, как добровольное, **факультативное**. И вся задача наших массовых музеев сводится к тому, что бы **факультативно привлекая посетителей Музея, приобщить их к нормативным знаниям**, показывая им на языке музейных образов не тоб что Буьзрфышы кщду=ЭишдвЭЮестьБ.уьзрфышыЮб а тоб что **должно**.

И теперь является вопрос: Как разрешить эту задачу?

Всего менее, сближая «массовый» Музей с «Учебным».

И, понятно, почему. По самой сущности своей тематика учебная рассчитана на **обязательное** усвоение, безотносительно к ее объему или трудности для понимания.

Не то в музеях массового типа, позволяющим их посетителям их посещать лишь в меру увлекательности содержания и прерывать осмотр, покидать музей при первых признаках усталости и скуки.

Сказанным определяется ответ на столь обычно задаваемый вопрос со стороны людей, причастных лишь к академической науке, но не массовому просвещению.

Вопрос этот обычно сводится к упреку в упущении отдельных глав, или примеров, приводимых Дарвином и дарвинистами, но не включенных в экспозицию нашего **Дарвиновского Музея**.

— «Почему — так спрашивают часто — нет в Вашем музее „мокрых“ препаратов, (спиртовых и формалиновых). Зачем представлены не все разделы, или главы Дарвинизма? Почему упор в подборе экспонатов делается лишь на высших позвоночных? Почему так мало и отрывочно представлены Беспозвоночные, а целые отряды вовсе не представлены?»

В ответ на эти и подобные вопросы мне приходится обычно в свою очередь спросить: А Вам известны экспозиции такого рода, оправдавшие себя во мнении массового зрителя?

Не смешиваете ли Вы задачи массовых музеев и «учебных», рядового, массового зрителя и зрителя-профессионала, знание обязательное и факультативное?

И вообще, даете ли Вы себе отчет, **кому и для чего** предназначается экспонатура и тематика музея массового типа?

Перед нами — роковая давняя ошибка полного смешения задач профессионального образования и массового просвещения, и легко понять причины этого смешения.

Полезно вспомнить, что застрельщиками в деле приобщения зоомузеев к делу массового просвещения являлись всего чаще педагоги и ученые, в ходе процесса демократизации науки, постепенно расширявшие обслуживаемый ими круг людей за узкие пределы класса, или аудитории.

И было лишь естественно перенести в обслуживание массового посетителя Музея методы или приемы классного, учебного преподавания, не учитывая специфичных требований новой аудитории.

Известно также, как легко и просто разрешается вопрос о создании таких школьных музеев и заведении ими. Возлагается оно обычно на кого либо из педагогов, или, в университетах, на кого либо из ассистентов, независимо от их музейной эрудиции, или квалификации.

Эта последняя казалась совершенно лишней. И действительно, к чему сводилась и доселе сводится устройство школьного музея? Выбирается Учебник, как основа содержания Музея, а затем лишь заменяются — рисунки вещными, объемными или табличными объектами, а подписи к рисункам или текст-этикетажем и «музей» готов.

Именно так, упрощенно и облегченно, поступали и доселе за границей и у нас при создании музеев школьных (с полным основанием!) и «массовых» (без основания!), — Неудивительно, что в отношении последних результаты оказались самыми плачевными.

Полнейшее заслуженное фиаско потерпел прославленный (в кавычках!) **Филетический Музей** в далекой Иене, призванный когда то к жизни **Гёккелем** по всенародной некогда подписке.

Призакрылся уже много лет тому назад довольно широко задуманный Биологический Музей при бывшей Академии Соцвоспитания имени **Крупской**.

Более, чем бесславно кончилось первое двадцатипятилетнее существования (вернее прозябание, как массового учреждения) бывшего **Биомузея** им. **Тимирязева**, с громаднейшим трудом буквально заново воссоздаваемого на глазах у нас, на чистом месте, именно поскольку вся работа, проведенная при **Завадовском**, оказалась проведенная «в пустую», как и ассигнованные на него миллионы.

Я спешу оговориться. Как учебно-вспомогательные учреждения, как Музеи «Вузовского» типа, все эти музеи были не без пользы.

Но, как **массовые** учреждения, они были никуда негодными, по той простой причине, что их бывшие инициаторы, при всей их эрудированности, как ученых, не были **массовиками**. Все они, при создании своих музеев исходили не из массового опыта, не из практической работы с массовым зрителем, а из академических суждений, априорных домыслов и механических перенесений лекционных, или книжных методов на оперирование с массовым музейным зрителем.

В чем же отличия Музеев **Массового** типа и **Учебных**? Чем же разнятся их потребители? И почему так неразумно смешивать запросы и потребности обоих? Каковы первейшие условия успеха для музеев массового типа, что определяет их доходчивость?

Что вообще нам должно разуметь под словом «**Массовый Музей**» и «**Массовый музейный зритель**»?

Все эти, как и множество других вопросов составляют содержание особой, молодой науки, именуемой **Музеологией**, формально восходящей до середины прошлого столетия, но в современной, подлинно новаторской трактовке, выросшей лишь на глазах у нас, на опыте массовиков-музейцев нашей Родины, единственно располагающей тем грандиозным опытом, и тем размахом и масштабом массовой работы, о которых зарубежные музеи не имеют никакого представления.

Без расшифровка основных понятий и проблем этой музеологии создастся неминуемо опасность, что под тем же словом «массовый Музей» и «массовый музейный зритель» разуметься будут совершенно разные понятия.

Начнем с понятия «массовости» в отношении самих музеев.

Общепринято под этим словом разуметь количественность посещений: «массовым» музеем называют тот, в который ходит много публики, доступ в который широко открыт, музеи «массовые» предназначены «для всех».

Однако, не говоря уже о том, что «массовый музей» — не баня, и не парикмахерская, посещения которых равносильны пользе, ими приносимой, будем помнить, что в вопросах умственной культуры, приведение одних **количественных** показателей только условно убедительно, понятно, почему.

Расценивать музеи по их «пропускной способности» — значит вносить в их качественную оценку фактор, совершенно внешний и иррациональный: именно просторность занимаемого помещения.

Легко представить, что по тем, или иным причинам — всего чаще вследствие усиленного роста — содержание Музея обогнало стены, и обратно, что обширность стен не отвечает вещной его ценности, или доходчивости содержания.. И там, и здесь, судить о ценности Музея надо очевидно, строго разделяя мощность, ценность экспозиции, ее доходчивость и кубатуру «кирпича».

Вот почему логичнее и справедливее под «массовым музеем» разуметь не тот, в который одновременно может пройти много людей, а тот, **которого экспонатура приспособлена для лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту**.

Не тот музей мы называем массовым, в котором циркулирует много народа одновременно, а тот, которого задачи, цели, содержание одинаково волнует рядового зрителя и «знатока предмета».

Но ведь именно такими и являются, как все мы знаем, все наши крупнейшие музеи, будь то Галерея **Третьякова**, Исторические и мемориальные.

Там, в Историческом музее и любом мемориальном, каждый экспонат, будь то обломок каменных орудий, или шлем времен Дмитрия Донского, или знамя, взвившееся над Рейхстагом, — представляют нечто полноценно-индивидуальное, волнующе- неповторимое.. И то же в отношении холстов Лаврушинского переулка: каждую вещь картинной галереи мы воспринимаем, как неповторимый образ разового творчества, равно волнующего и историка-искусствоведа и искушенных зрителей.

Не то — в музеях биологии. Не говоря о том, что подавляющее большинство их экспонатов, будь то чучела зверей, или сушеные растения не представляют из себя чего либо неповторимого, что многие из них являются продуктом массового производства, — экспонаты эти, взятые, как таковые, без детальных пояснений (а порой и при наличии последних!) — ничего не говорят уму и сердцу рядового зрителя и не «волнуют» знатока науки.

Тем настойчивее выдвигается вопрос: Кто этот массовый музейный зритель?

Молчаливо, «по старинке» многие невольно склонны разуместь под этим словом лиц, которых можно охарактеризовать лишь негативными чертами, как людей без специальных знаний, и профессиональных интересов в отношении данного Музея.

Это мнение порочно и при том с двойкой точки зрения.

Во-первых, тем, что забывает о наличии среди музейных зрителей и настоящих знатоков предметов данного музея, и, как следствие отсюда тем, что, забывая о потребностях специалистов, подменяясь к «мало-подготовленному зрителю», склонно упрощать достоинство экспонатуры.

Здесь уместно подчеркнуть, вернее говоря, напомнить о принципиальном нашем отвергании столь практикуемого за границей разделения биологических музеев на так наз. «**Шау**» — и «**Шгудиен**-Заммунг», их деления на Отдел «Научный» — для «исследователей», и другой, для «созерцания», для рядового массового посетителя.

Экспонатура нашего Советского Музея вся предназначена не для поверхностного созерцания, но для идейного, сознательного освоения, будь то ученым-академиком, будь то колхозником, или рабочим.

Тем уместнее попытка — очертить немного ближе те запросы и искания, с которыми этот столь многоликий зритель обращается в биомузеи массового типа. Чего ищет и чего заведомо он избегает в экспозициях таких музеев?

Можно с полной уверенностью утверждать, что подавляющее большинство людей идет в музей не для «учебы», но для получения знаний в яркой и общедоступной, увлекательной, манящей форме. Избегает этот зритель всего трудного, малопонятного и специального, сухого, нудного формального «академического» знания.

Иной подход у знатока предмета. Никакая сложность и детальность темы или вещного состава экспозиции не затруднит его. Но есть одно, чего заведено и совершенно не выносит глаз и ум ученого-специалиста: — это элемент банальности и тривиальности, «учебности» тематики или подбора экспонатов.

Возникает трудная задача: в целях примирения в стенах музея интересов «рядового зрителя» и «знатоков предмета» нам приходится лавировать между двумя опасностями — «Сциллой формализма» и «Харибдой тривиальности».

И вся задача экспозиции биомузея массового типа сводится к решению этой задачи: избеганию тех двух опасностей: сухого черствого **академизма** и заведомой **банальности**.

Эта задача разрешается автоматически для большинства других музеев: на картинах **Сурикова** или **Репина**, на вещных памятниках творчества и жизни **Ленина**, **Калинина** и **Горького** сближаются сердца и мысли лиц, «предельно разнящихся по образованию и возрасту».

Не то — в биомузеях массового типа. Механически перенести на них принципы экспозиции и установки области гуманитарных знаний можно лишь ценой утраты чувства жизни и реальности.

Но поступать так могут лишь «музейцы от зеленого стола», т.е. творящие бумажно и бюрократически, не озаботившись конкретно — лично проработать экспозицию **совместно** с посетителем Музея и на опыте, практически проверить **эффективность** и **доходчивость** экспонатуры.

Но вернемся к нашей основной задаче: примирения на том же экспонате интересов рядового зрителя и знатока предмета.

Вспомним сказанное выше о значении момента «бытования» в процессе восприятия музейных образов. Легко понять, что именно по этой линии подходы этих двух различных категорий посетителей будут неодинаковы.

Для «знатока предмета», для зоолога-натуралиста по призванию, наука о природе стала частью его быта, делом повседневной его жизни, и задача экспозиции музея Зоологии — только расширить, углубить такое «бытование».

Не то — для массового, рядового зрителя, для не-биолога. Здесь роль музея более ответственная: знание «**небытующее**» — превратить в «**бытующее**».

Но достигнуть это можно лишь двумя путями.

Либо — увязав тематику и содержание Музея ближе с повседневной жизнью и бытом большинства людей, безотносительно к их роду деятельности, либо — эмоционально захватив их ярким красочным, манящим содержанием: ведь и картины Галереи Третьякова и насыщенные содержанием залы Выставки Подарков **Сталину** захватывают лиц всех возрастов и всех профессий не одним только идейным содержанием, но эстетизмом, красотой, изяществом, художественным мастерством показа.

Но тем самым предопределяется и самый выбор экспонатов и система демонстрации их в массовом музее биологии.

Так, всего прежде, оперирование с примерами животных, хорошо известных большинству людей их повседневной жизни, предпочтение отдаваемое высшим позвоночным перед низшими.

Отсюда же стремление связать проблемы Дарвинизма с актуальными заданиями Соцстроительства: задачами животноводства, Звероводства, промысловой зоологией, пушной промышленностью и Охотоведением.

Отсюда, наконец, тенденция подать все предлагаемое знание в манящей, красочной, эмоциональной форме, памятуя, что доходчивость идеи повышается от эстетичности ее подачи.

Более того, как иногда великолепие мазка, или стиха способно открывать сердца, или будить умы, глухие для рассудочного знания, так, облекая сложные и трудные проблемы и теории в изящные и красочные формы, широко используя искусство для служения науке, можно до необычайности расширить круг людей, дотоле чуждых доводам сухой науки и формалистического знания.

В этом принципе сочетания **Науки** и **Искусства** и эмоциональности подачи знания таится, как известно, главная особенность музеев, как рассадников широкого, общеобразовательного знания.

Но в нем же, этом выдвигании эстетического элемента, укрывается и несомненная опасность: растворения четкой познавательной идеи и облекающих ее художественных образах.

Такое поглощение **Идеи** — **Чувством** тем реальнее, чем импозантнее, богаче, многограннее вещно-фактическое содержание Музея.

Выражается эта опасность в том, что яркость зрительного образа воспримется неадекватно смысловой, идейной значимости экспоната, что идея растворится в форме.

Обеспечить соразмерность содержания и формы, адекватность восприятия умом и глазом такова задача большинства музеев массового типа, разная по трудности, смотря по содержанию каждого из них.

Этой задачи может вообще не быть там, где, как на **Выставке Подарков Сталину**, — каждая вещь овевана любовным чувством и предельные изящество и красота показа лишь созвучны беспредельной преданности великому **Вождю**.

Не то — в музеях типа **Дарвиновского**, особенно, если учесть, как осложнилось понимание Дарвинизма в современной Биологии.

И в самом деле. Как совсем отлична роль того же **Дарвиновского Музея** до и после Революции, особенно, после известных резолюций конференции ВАСХНИЛА.

Как легко и просто было раньше показать для незоологов такие главы, как «Учение о Виде», как «Подбор искусственный», или «Естественный» при свете школьного, былого Дарвинизма. И как совершенно иначе рисуется эта задача ныне, в свете нынешней советской биологии, учения **Мичурина-Лысенко**.

И действительно, попробуйте эти новейшие принципы, или установки текстуально и этикетажно поместить в музейных залах, не рискуя превратить их стены в некое подобие развернутой стенной газеты!

Что же удивительного, если в ходе углубления наших воззрений на природу, привнесения в проблемы эволюции наших **советских** установок, прежние «**осмотры**» **Дарвиновского Музея** постепенно уступили место «**демонстрационным лекциям**» в Музее.

А возьмите актуальнейшую из музейных тем: вопросы Антропогенеза!

Как элементарно просто представлялось претворение ее в музее: в точном соответствии с тогдашним дарвинизмом тема суживалась до зоологической трактовки...

И, как осложнилась та же тема в свете наших современных взглядов, в частности учения **Павлова**, как и работ других советских приматологов, и в частности обширных монографий, выпущенных **Дарвиновским Музеем** (Н.Н. Ладыгиной-Котс)

Давно известно, что умение разумного и вдумчивого чтения научных книг дается далеко не сразу.

Но насколько менее присуща большинству музейных зрителей разумно, т.е. с пользой для себя, усваивать музейную экспонатуру и в особенности нормативного характера и новую по содержанию.

И говорим мы это не в укор музейным зрителям, а в назидание тем музейцам, или, правильнее говоря, их критикам, не сознающим той бездонной разницы, что разделяет прежние музеи, «ассертивные» и современные, как «нормативные»; там — демонстрация «вещей», здесь — ратование за «идеи», претворенные в музейных вещных образах.

Отсюда — исключительно большая, чтобы не сказать решающая роль — в музеях массового типа — Лектора-экскурсовода, роль живого, убеждающего слова и не только этого последнего.

Полезно помнить, что помимо лекционных пояснений, на экскурсовода — падает ряд функций и обязанностей организационного порядка: устным словом выправлять несовершенства экспозиции и регулировать движение ног и глаз участников экскурсий.

Обеспечение должного «фарватера» (порядка следования по залам, или рассмотрения их содержания); концентрация внимания зрителей на «узловые» и ведущие разделы экспозиций и отвлечение от менее актуальных; — опускание последних, — эти, как и многие другие функции, и, всего прежде, индивидуализация подхода к разным зрителям с учетом их профессионального и возрастного уровня — все это делает работу лектора-экскурсовода абсолютно и ничем незаменимым и, конечно, всего менее при помощи этикетажа.

И, однако, принимая во внимание, что все эти обязанности лектора-руководителя касаются по преимуществу «организованного группового зрителя», что «одиночки» предоставлены самим себе, — естественно спросить: возможно ли, удерживая нормативность современного советского музея, отказаться от давания устных пояснений, заменив их «вещным языком» самой экспонатуры и при максимальном сокращении этикетажа?

Отвечая на вопрос, напомним основную механическую роль экскурсовода-лектора.

Этот последний, в целях концентрации внимания зрителей, старается рукой, или «указкой-палочкой» временно **выделить** данный объект из ряда смежных, на которых неизбежно разбегаются глаза, внимание и мысли слушателей.

Еще лучше, в смысле эффективности показа, но не сохранения самих объектов, оказался метод, применяемый доселе **Дарвиновским Музеем**: объясняемые экспонаты вынимаются из шкафа для показа их вне шкафа и сосредоточения на них внимания зрителей.

Насколько это предъявление объектов вне других содействует успеху — видно из того, что все попытки отказаться от такого вынимания вещей из шкафа приводили к колоссальному снижению эффектности показа: взгляды, а тем самым мысли и внимание группы разбегались по десяткам смежных экспонатов и в итоге — неизбежность полного отрыва зрения от слуха, «сказа» — от «показа».

Как ни мало рационален — с точки зрения «музейной» — этот метод вынимания объектов из шкафов для концентрации на них внимания зрителей, — он помогает подойти к решению интересующего нас вопроса: **замещения устной речи языком самих вещей.**

Со всей определенностью должно признать, что заменить всецело, полностью роль лектора- экскурсовода **невозможно**, но создать частичные «экзацы» все же удастся, и, однако, лишь при соблюдении ряда ниже-следующих условий:

- I. Крайней сжатости тематики и вещного подбора экспозиции, полнейшего отказа от придания ей характера «дарвинистической Энциклопедии» с тенденцией охвата всех, или главнейших тем и аргументов эволюционного учения. — Бессмысленно по идеи, ибо ненужное ученому и беспредметная для рядового зрителя, осуществление такой затеи потребовало бы безумных трат и километров стен. **музейный лаконизм** — таково первейшее условие разумного подбора тем и вещного фактического содержания Биомузея массового типа.
- II. Максимальной четкости идейно-внутренней и вещной **плановости** как Музея в целом, так и основных его разделов и отдельных зал. **Логизм** всей экспонатуры, позволяющий даже для мало опытного глаза охватить общий порядок-план строения Музея в целом и соотношение его разделов.
- III. Избегания не только многотемности отдельных зал, но также разнородности, чрезмерного разнообразия вещно-фактической аргументации, памятуя две простые истины:
 - a. Недоказанное на одном примере, не докажется и десятью.
 - b. Фактов и примеров существует бесконечно много, аргументам должно положить разумные пределы.
- IV. Оперирования — при пояснении главнейших тезисов и обобщений эволюционного учения с возможно более простыми фактами, или примерами, имея целью максимально сократить идейный путь от фактов к обобщениям.
- V. Избегания всего профессионально-узкого и специального, учитывая, что громаднейшее большинство музейных зрителей приходят в массовый музей не для «Учебы», а для приобщения к знаниям в общедоступной и общепонятной форме.
- VI. Облекании всех предъявляемых вниманию массового зрителя примеров, или фактов в яркую, манящую и красочную форму, следуя девизу, или лозунгу: показывать не «много», но «многое», урезывать, снимать в сокращать **идейную тематику**, при широчайшем вещном и **фактическом ее обосновании** примерами, возможно более простыми и известными (точнее говоря, не требующими особых длительных и специальных пояснений).

Сказанное до сих пор касалось рядового, массового зрителя.

Сложнее и труднее — удовлетворить в том же Музее подлинного знатока науки и при этом, как мы видели, только двумя путями: устранением из экспозиции всего «учебного», банального и насыщением ее новаторскими элементами фактического содержания, или музейного показа.

Выражаясь, более конкретно: Если каждый данный экспонат не представляет элемента новизны и абсолютной ценности со стороны научной, или творчества методики показа — он во мнении ученого-специалиста будет неоправдан и экспонатура в целом снизится до положения «учебной».

И, однако, как ни трудно удовлетворить порой ученого-специалиста вещным содержанием Музея — с точки зрения, нас здесь интересующей, проблемы замещения устных пояснений вещным языком самой экспонатуры, — самая проблема эта делается беспредметной: подлинный знаток предмета столь же мало заинтересован в лекторе- экскурсоводе, как и в «объяснительном» этикетаже и особых методах музейного показа. И вся трудность той замены и обслуживания «одинок» вне живого слова лектора касается лишь **рядового** массового зрителя.

И восстанавливая сказанное выше об условиях содействующих эффективности обслуживания последнего, нетрудно выделить момент, решающий для экспозиции биомузеем массового типа.

В самом деле. Большинство этих условия в разной степени присущи не одним только музеям.

Таковы: Логичность построения, системность, плановость, наглядность, увлекательность, целенаправленность, факультативность, нормативность предлагаемого знания, все эти качества и требования мы предъявляем не одним только музеям, но и вообще различным начинаниям культурно-массового назначения.

Но есть **одна черта**, присущая, как фактор, подлинно **диагностический**, присущий, или, говоря точнее, долженствующий быть обязательным для каждого музея массового типа: это **органическая связь музейных стен с тематикой и вещным содержанием Музея**.

Архитектоничность стен, неотделимость содержания музея от топографического фактора, структуры мысли от структуры стен, идейно-внутренняя связанность идеи экспозиции с определенной площадью, как органическом ее оправы, эта безусловная зависимость «идеи» от музейных стен, от «кирпича» — есть грустная прерогатива лишь музеев массового типа.

Но как часто и как необдуманно грешат именно в этом смысле, отводя под экспозиции музеев массового типа то **таможенные здания** (Зоомузей Академии Наук в Ленинграде), то бывшие конюшни, хотя бы графские! — (палеонтологический музей в Москве), то **барские особняки** (Биомузей им. Тимирязева), то бывшие **Аудитории** (Дарвиновский музей), то **церкви** (многие музеи Краеведения!).

Но несущественная для музеев художественных и мемориальных эта явная случайность **содержания и стен**, их хаотическая несозвучность совершенно нетерпимы для столичного Биомузея массового типа.

Стоит лишь вообразить, что человеком, не имеющим понятия о содержании и внутренней архитектонике научной книги, были бы намечены листаж, и разделение на главы, и количество страниц в каждой главе, все это без малейшего обдумывания, произвольно, а затем предложено бы было автору вместить в это случайно сфабрикованное «Прокрустово ложе» содержание книги, как единый целостный идейный организм!

Повторяем: Для музеев, или Выставок учебных и профессиональных, при обслуживании устным словом лектора-руководителя, — все эти неувязки стен и мысли несущественны: живое слово и «рука-указка» лектора-экскурсовода выправит все неполадки кирпича и мысли.

Но иное дело, если бы мы пожелали сделать экспозицию доходчивой для одиночных зрителей, не превращая стены зал в подобие огромных, — правда, нечитаемых! — «стенных газет».

И совершенно обязательна эта гармония, эта созвучность стен и мысли для музея, столь сугубо идеологического, как Музей им. **Дарвина**, всецело посвященного сложнейшим, актуальнейшим проблемам, о которых подавляющее большинство входящих в его стены не имеет ни малейшего понятия.

Вот почему, реально обеспечить массу одиночных зрителей идейно связанной картиной содержания каждой залы и музея в целом, — можно только радикальной мерой: рационально возведенным зданием музея и таким расположением зал, которое автоматически гарантирует и правильный «фарватер», и «борьбу с периферийным полем», и идейно-обобщенное, а не «кунсткамерное» восприятие отдельных стен, отдельных зал, как и музея в целом.

И как при издании научных и научно-популярных книг, деление их на главы и подглавы больше обеспечивает должный план, порядок усвоения их содержания, чем при издании альманахов, допускающих свободу перлюстраций их в любом порядке и с любого места, — так и в рациональном здании современного музея следует принять все меры, облегчающие плановое прохождение по залам, а не хаотичное блуждание по ним.

Именно в этом плане предусмотрен ряд новаторских приемов в проектируемом здании **Дарвиновского Музея** («Монотематичность зал», линейность их расположения, объединение близких по тематике в виде особых комплексов..), структурно-архитектонично помогающих воспринимать экспонатуру как подобие идейного организма, содержание которого попеременно выступает в положении то целого, то части.

Обнимая общим взором несравненные культурные сокровища нашей Столицы, всю плеяду наших замечательных музеев, исторических, художественных и мемориальных, трудно не подметить одного парадоксального явления: **отсутствие естественно-научного музея массового типа**.

А поскольку из всего Естествознания единственно вполне доступным для музейного показа массам лишь мир **Животных**, неименно в Москве **общедоступного** музея **Зоологии** является пробелом, совершенно очевидным.

Сказанному не противоречит факт наличия в Москве прекрасного музея Зоологии в московском Университете и чудесного музея палеонтологии Академии Наук.

И там, и здесь — музеи подлинно столичного и европейского масштаба и руководимые крупнейшими учеными.

И все же это — не музеи массового типа, но собрания научные, или учебные по назначению.

И бесчисленные серии пернатых и звериных чучел и зоологических картин с улицы Герцена, и несравненные по их научной ценности скелеты и обломки ископаемых костей Большой Калужской улицы, при всей внушительности их, не суть предметы массового познания.

Да и слагались эти два музея не для массового восхищения и переделывать их «на ходу» в музеи массовые — столь же рационально, как использовать научные учебники и монографии для целей массового просвещения.

Это не значит, что указанные два музея бесполезны для культмассовой работы, но по самой сущности своей они не восполняют явного пробела: неимения в Москве Центрального музея, посвященного всемирной и особенно отечественной фауне в свете широчайших выводов и обобщений.

Здесь достаточно напомнить о громадной роли нашего Советского животноводства, о задачах пушно-мехового промысла («мягкого золота»), играющего столь значительную роль в деле Советского экспорта, о проблемах звероводства и Охотоведения, не говоря об интересах рядовых любителей природы, местных и приезжих, с их естественным желанием ознакомиться с животным миром нашей необъятной Родины, при том не в утомительном систематическом их размещении, а в свете актуальнейших вопросов соцстроительства.

В размере скромном, не вполне солидном, все эти запросы и потребности учитывались некогда нашим **Политехническим Музеем** и его попыткой — в небольшом, но ценном подотделе промысловой Зоологии пойти навстречу массовому посетителю, охотно посещавшему этот раздел в отличие от пустовавших прочих зал. Но с упразднением этого Отдела, как и сходного в Зоологическом музее МГУ — все эти нужды и запросы повисают в воздухе и это вопреки их колоссальной роли и оправданности в наши дни, дни — всепобедного подъема нашего народного хозяйства.

Полным голосом — в объеме, неизвестном ни в одном музее мира, — **Дарвиновский Музей** готов в любой момент откликнуться на эту сторону нашего соцстроительства, при получении Музеем требуемых стен.

Нам остается рассмотрение последнего, — но не последнего по значимости — пункта.

Пробегая сотни отзывов нашей Музейной Книги, можно убедиться, в какой мере посещение **Дарвиновского Музея** при теперешней системе изучения его, по типу демонстрационных лекций, ценится не только по прямому назначению, приобщению к творческому дарвинизму, но и как орудие и средство **политического** воспитания молодежи, как источник усиления Советского патриотизма.

Нет сомнения, что в высокой мере это связано с самой манерой устных пояснений лектора, горячим, убежденным его словом, как Советского ученого и патриота.

И могло бы показаться, что с заменой устного живого слова мертвым языком вещей этот момент советского патриотизма потеряет своего прямого убежденного глашатая, что соответствующие призывы ослабеют в силе, если бы ..не самый факт создания **Дарвиновского Музея** за короткий срок лишь нескольких десятилетий.

Именно тот факт, что в пору, когда происками и велением реакционного британского правительства, в былом когда «Дарвиновском Зале» Кенсингтонского Музея в **Лондоне**, убрали беломраморную статую великого мыслителя и заменили ее статуей его ярчайшего противника (— Ричарда Оуэна —), тот факт, что деградированное в Англии имя великого философа-натуралиста **Чарльза Дарвина** нашло в Стране Советов для себя вторую родину, именно этот факт является бесспорно фактором глубокого патриотического смысла и значения.

И в этом смысле возведение здания для **Дарвиновского Музея** оказалось бы не только откликом на подлинные нужды и потребности нашей культуры, но и политической достойной отповедью зарубежным угнетателям, гасителям научной правды и научной совестью.
